

сёрфера, так как политический демотиватор — явление, частотное для глобальной сети. А также наличие у этого адресата как у представителя того или иного лингвокультурного сообщества определённого набора фоновых знаний, от которых зависит успешность интерпретации политического демотиватора;

– лапидарность — лаконичность, сжатость, выразительность, позволяющая донести и развить определённое содержание с помощью набора вербальных и невербальных составляющих.

Учитывая многоаспектность функционирования политического дискурса и его связь с конкретной ситуацией общения, чётко проявляет себя его зависимость от культуры той или иной страны и её роли в мировом сообществе. Именно поэтому изучение политического дискурса и его жанров, в частности жанра политического демотиватора, предполагает выявление взаимосвязи и взаимовлияния всех перечисленных факторов. Широкое использование политических демотиваторов не только приводит к экономии языковых средств, тем самым повышая экспрессивность, но и позволяет адресанту лаконично, в сжатой форме донести и развить определённое содержание с помощью набора вербальных и невербальных составляющих, посредством которого это содержание может быть раскрыто.

Список цитируемых источников

1. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : Гнозис, 2004.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. — М. : Изд-во МГУ, 1999. — С. 27.
3. Немцова, Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса // Лингвистика. Бюл. Урал. лингвист. — Екатеринбург, 2003 — Т. 11. — С. 146—155.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. — С. 217.
5. Уханова-Шмыгова, И. Ф. Прошлое и будущее понятия «дискурс» / И. Ф. Уханова-Шмыгова // Дискурс в академическом пространстве: материалы Междунар. круглого стола, Минск, 3—5 апреля 2009 г.; под общ. ред. И. Ф. Ухановой-Шмыговой, С. Сарновского. — Минск. : Издат. центр БГУ, 2010. — С. 14.
6. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности : пер. с фр. / Н. Пьеге-Гро; Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 240 с.

Материал поступил в редакцию 30.11.2012 г.

Т. С. Хвесько

Научный руководитель — *А. П. Мясоед*

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНВЕРСИИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Выразительность является главным существенным признаком художественного образа. Под понятием «выразительность» понимается способность художника посредством разнообразных приёмов передавать человеческие эмоции, использование их в образной характеристике таких деталей, которые с наибольшей полнотой раскрывают сущность изображаемого явления или характера [1].

Для выразительности речи автор использует специальные синтаксические средства, к которым относятся инверсия, парцелляция, парантеза. Цель этих синтаксических средств заключается, главным образом, в более яркой и точной передаче замысла автора. Выразительные возможности синтаксических средств языка актуализируются благодаря различным стилистическим приёмам использования в речи.

Актуальность исследования заключается в том, что, как показал анализ теоретических источников, употребление стилистических фигур и средств языка является основным способом достижения выразительности содержания произведения.

Одним из важнейших средств интонационно-стилистического выделения слов и их сочетаний является инверсия. Она состоит в постановке выделяемых слов на синтаксически необычное для них место, т. е. инверсия предполагает нарушение обычного порядка слов. Так как инверсия как синтаксическое средство выразительности широко используется в языке художественной литературы, целью нашего исследования стало функционирование инверсии в немецкоязычной художественной прозе.

Нами были определены функции инверсии, а также участие инверсии в организации эмоционально-экспрессивных предложений. Материалом для исследования послужили тексты художественных произведений немецкоязычных авторов. В ходе работы были проанализированы тексты художественных произведений таких известных представителей немецкоязычной литературы, как В. Каминер и Г. Бёлль. Методом исследования мы избрали метод контекстуального анализа.

Инверсия (от лат. *inversio* — переворачивание, перестановка) — это обратный порядок слов, а именно изменение обычной расстановки слов в предложении, которое предпринимается в соответствии с коммуникативным заданием или в целях создания эффекта выразительности. Например, *Zu diesem Zweck sollte er ein Examen ablegen, das auch ein gewisse Minimum an psychologischen Kenntnisse erforderte.*

Рассматриваемое средство является, по сути, нарушением принятого в разговорной речи порядка слов и интонации, причём последняя характеризуется большим, чем обычно, числом пауз. При инверсии слова меняются местами или разбиваются вставными словами и словосочетаниями. Эти явления относятся к расширенной инверсии, которая встречается в художественной прозе. Стилистический смысл инверсии в том, что инверсированное слово на необычном месте приобретает более выразительное значение благодаря интонационному выделению и общей перестановке смысловых акцентов, заостряющей фразу.

Основное предназначение рассматриваемого явления — служить средством смыслового выделения, в том числе экспрессивного. С его помощью может быть обеспечено логическое ударение и ритмическое деление высказывания. Эмоционально-экспрессивное или логическое ударение падает на инверсированный член предложения. В художественной прозе инверсия хорошо передаёт повествовательную интонацию. Например, *Ein Jahr nach unserer Flucht war das Haus dann in Brand geraten und Vater war dem Tod nur durch ein Wunder entkommen* [2].

Инверсия — изменение порядка расположения частей предложения. Подобного рода изменения могут преследовать как логические, так и чисто интонационные цели.

Превалируя над всеми видами художественных приёмов, инверсия используется авторами в целях усиления выразительности речи, поэтому она широко применяется в художественной литературе и выполняет ряд основных функций.

В прозаическом немецкоязычном художественном тексте инверсия выполняет **прагматическую** или **коммуникативную функцию** (коммуникация как обмен не только информацией, но и эмоциями, чувствами). При коммуникации язык может выполнять несколько функций: выражать наши эмоции, сообщать нашим собеседникам об информации, о которой они не знали ранее, влиять на мысли и поступки людей. Например, *Nach jedem Tanzabend war ich zwei Tage lang verkatert und hatte ein merkwürdiges Piepsen in der Linken Kopfhälfte, dem Teil des menschlichen Gehirns, der wahrscheinlich für Punkrock zuständig ist* [3].

Помогая передать эмоциональное состояние героя, инверсия выполняет **эмоционально-оценочную функцию**. Экспрессивность предложения выражается с помощью так называемого субъективного порядка слов. В предложении, отражающем те или иные эмоции говорящего, наблюдается эмоциональный, обратный порядок слов. Например, *Jeden Sonntag in der Kirche nahm sie Kommunion und ging an mir vorbei zur Bank der Frauen*.

Часто одно слово, употреблённое дважды, или однокоренные слова противопоставляются в контексте и усиливают последующую градацию, придавая тексту особую значимость, эмоциональность и афористичность. Например, *Er schwieg, durch sein Schweigen machte er sich schuldig*.

Наряду с другими средствами, инверсия выполняет **функцию передачи авторской мысли**, его отношение к своим героям. Используя обратный порядок слов в предложении, автор показывает своё как положительное, так и негативное отношение к литературному персонажу. Например, *Schrecklich ist, dass Bertram mit seinem Husten die anderen, mehr latenten Neurotiker auf den Plan zu rufen scheint*; или: *Einer kam nach zwanzig Minuten zurück*.

Ещё одной значимой функцией является **грамматическая функция**. Инверсия — изменение обычного порядка слов в предложении. В языках с закреплённым порядком слов инверсия несёт грамматическую нагрузку, например, служит для образования вопросительных предложений. (Необходимо отметить, что порядок слов в немецком языке строго регламентирован.) При прямом порядке подлежащее предшествует сказуемому, согласованное определение стоит перед определяемым словом, несогласованное — после него, дополнение — после управляющего слова, обстоятельство образа действия — перед глаголом. Таким образом, сказуемые обычно оказываются в безударном положении. Вся сила логического выделения падает на дополнения. Например, *Ich gab der DDR noch einmal einen Tritt, ohne etwas zu riskieren* [4].

При обратном же порядке слов логически выделяемым оказывается всё новое, сообщаемое, как сказуемое, так и дополнение: дополнения потому, что они поставлены на первое место, сказуемое потому, что оно оказывается под ударением как конечный элемент высказывания. В наиболее выигрышном положении оказывается тот член предложения, который выносится в его начало или, наоборот, отодвигается в конец предложения, особенно если в самом конце предложения сообщается нечто новое. Например, *Jeden Tag fand im Burger etwas anderes statt. Morgens zogen die Milchverkäufer von Gasse zu Gasse*.

При изменении «привычного, правильного» грамматического строя порядка слов, читатель или слушатель получает сигнал, он выделяет это высказывание или предложение, так как оно отличается, выдаётся из ряда однородных, «серых» высказываний, т. е. инверсия начинает выполнять уже другие вышеназванные функции, свойственные ей.

Анализ примеров инверсии в художественной немецкоязычной прозе показал, что она может выполнять различные функции, которые используются в целях передачи замысла автора. Также они служат для выделения определённого слова или фразы в тексте, чтобы читатель или слушатель мог более точно воспринять коммуникативное намерение автора. Необходимо отметить, что функционирование инверсии повышает экспрессивность высказывания в целях воздействия на читателя, а также информативность всего высказывания, а далее и всего текста.

Из вышесказанного следует, что инверсия — важное выразительное стилистическое средство, которое употребляется в эмоциональной речи. Обратный порядок слов используется для выделения того или иного элемента предложения и придания особого смысла. Изменяя структуру предложения, автор подчёркивает

главную и значимую информацию для читателя, поэтому употребление инверсии напрямую связано с коммуникативным намерением автора. На данном этапе исследования мы пришли к выводу, что для художественной прозы в наибольшей степени характерна эмоционально-оценочная функция инверсии. В дальнейшем планируется выявить и систематизировать все типы инверсионных высказываний, используемых в немецкоязычной прозе.

Список цитируемых источников

1. Григорьева, Г. Г. Развитие дошкольников в изобразительной деятельности : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / Г. Г. Григорьева. — М. : Академия, 1999. — 344 с.
2. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов н/Д : Феникс, 2010. — 562 с.
3. Ковтунова, И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения / И. И. Ковтунова. — М. : Просвещение, 1976. — 239 с.
4. Адмони, В. Г. Грамматический строй языка как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. — Л. : Наука, 1988. — 238 с.
5. Böll, H. Du fährst zu oft nach Heidelberg: und andere Erzählungen / H. Böll. — 1. Aufl. Erschienen : Bornheim-Merten : Lamuv Verl. — Umfang, 1979. — 100 S.
6. Kaminer, W. Karaoke / W. Kaminer. — 1. Aufl. — München : Goldmann, 2005. — 256 S.

Материал поступил в редакцию 03.12.2012 г.

Е. П. Черняк

Научный руководитель — И. Ю. Иеронова, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕРУССКОМ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Со времён Э. Сепира и Б. Л. Уорфа одним из наиболее популярных в лингвистике направлений исследований является изучение взаимодействия менталитета народа и языка, на котором данный народ разговаривает. Анализируется как влияние языка на мировосприятие его носителей (чем, собственно говоря, и занимались Э. Сепир с Б. Л. Уорфом), так и то, каким образом национальный менталитет воздействует на язык. Основное внимание при этом уделяется изучению лексической системы языка, поскольку грамматика в этом плане многим представляется объектом категорически малопродуктивным. Однако более внимательное рассмотрение особенностей построения и функционирования грамматической структуры в том или ином языке приводит к мысли о том, что некоторая определённая специфика употребления грамматических категорий и форм вполне может быть связана именно с тем, как носители этого языка воспринимают окружающее их мироздание. В частности, проводя анализ языков, относящихся к германской группе индоевропейской семьи, неизбежно приходишь к выводу, что известная на весь мир строгость, практичность и деловитость германских народов определённо повлияла на развитие грамматики как древних, так и современных германских языков. Это прослеживается абсолютно явственно при сравнительном изучении грамматических парадигм, свойственных языкам данной группы с грамматическими формами и категориями других индоевропейских языков.

Рассмотрим данный тезис на примере двух форм индоевропейского глагола, выражавшего законченное действие в прошлом и то, каким образом эти формы эволюционировали в дальнейшем в германских и славянских (в частности, древнерусском) языках.

Как известно, практически во всех индоевропейских языках на ранних этапах их развития прошедшее действие совершенного вида могло выражаться параллельно двумя грамматическими категориями. Одной из этих категорий являлся аорист, другой — перфект. Впоследствии практически в каждом из языков осталась только одна из категорий. Славянские языки, к примеру, сохранили аорист, в германских, наоборот, выражение подобного значения стало исключительно задачей перфекта.

Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» под редакцией В. Н. Ярцевой, изначальный индоевропейский аорист представлял собой «грамматическую категорию праиндоевропейского глагола, выражавшуюся совокупностью нескольких парадигм личных форм, различных по своей структуре и происхождению, но имевших относительно общее видо-временное значение недлительного совершенного прошедшего действия» [1, с. 37].

В частности, как и все другие индоевропейские языки, хорошо развитой системой аориста обладал в древности и русский язык. Средневековые русские письменные памятники дают широкую картину его морфологической структуры и употребления. К примеру, приведём несколько строк из «Слова о полку Игореве»: «Почнемъ же, братие, повесть сию отъ стараго Владимира до ныняшиного Игоря, иже **истягну** умъ крепостию своею и **поостри** сердца своего мужествомъ, наполнися ратнаго духа, **наведе** своя храброя